

КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ
1 и 15 чиселъ.

Цѣна годовому изданію съ пересылкою и безъ пересылки
три руб. сереб.

1-го Сентября

№ 17.

1863 года

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

■.

Высочайшія повелѣнія.

ВЫСОЧАЙШІЙ МАНИФЕСТЪ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, АЛЕКСАНДРЪ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ ВСЕРОССИЙСКІИ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

и прочая, и прочая, и прочая.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ Нашимъ подданнымъ.

Въ 11-й день сего августа, Любезная Наша Невѣстка Великая Княгиня Ольга Теодоровна, Супруга Любезнаго Нашего Брата, Великаго Князя Михаила Николаевича, разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ Намъ Племянника, а Ихъ Императорскимъ Высочествамъ Сына, нареченнаго Георгіемъ.

Таковое Императорскаго Нашея Дома приращеніе приѣмля новымъ ознаменованіемъ благодати Божіей, въ утѣшеніе Намъ ниспосланной, Мы вполне удостовѣрены, что все вѣрноподданное Наши вознесутъ съ Нами ко Всевышнему теплыя молитвы о благополучномъ возрастѣ и преуспѣяніи Новорожденнаго.

Повелѣваемъ писать и именовать во всехъ дѣлахъ, гдѣ приличествуетъ, сего Любезнаго Намъ Племянника, Новорожденнаго Великаго Князя, Его Императорскимъ Высочествомъ.

Данъ въ Царскомъ селѣ, въ 11-й день августа, въ лѣто отъ Рождества Христова тысяча восемьсотъ шестьдесятъ третіе, Царствованія же Нашея въ девятое.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою подписано:

« АЛЕКСАНДРЪ . »

(Св. Пч.)

И И.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

— Его Высокопреосвященство, въ 3 день сего августа, утвердилъ представленіе членовъ кіевскаго епархіяльнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія, протоіерея Николая Оглоблина и священника Михаила Богданова, въ коемъ высказаны средства къ устраненію затрудненій, встрѣченныхъ ими при пересмотрѣ попечительскихъ дѣлъ; въ своемъ представленіи означенные члены попечительства, между прочимъ, выражаютъ мнѣніе, касающееся

А) сотрудниковъ попечительства. Присутствіе попечительства, а равно и канцелярія его, при повѣркѣ попечительскихъ пансіонерскихъ списковъ и другихъ своихъ бумагъ, слишкомъ затрудняется скудостію средствъ къ такой повѣркѣ, происходящей,

сколько отъ неточнаго и не своевременнаго исполненія обычныхъ срочныхъ обязанностей сотрудническихъ, столько же отъ дѣйствительнаго недостатка свѣденій, самыхъ необходимыхъ для попечительства; почему, кромѣ своевременнаго, за каждый годъ, или полугодіе (смотря по роду дѣль), представленія въ попечительство: а) «отзывовъ духовенства» о лицахъ стоящихъ и не стоящихъ попечительскаго пособія; б) «респектъ» лицъ въ полученіи ими этого пособія; в) пожертвованія съ «листами», въ которыхъ эти пожертвованія записываются, и съ указаніями, какъ особенныхъ какихъ либо приношеній въ пользу нашихъ бѣдныхъ, такъ и новыхъ кѣмъ либо изъ духовенства придуманныхъ средствъ къ увеличенію этихъ приношеній (разумѣется, если эти средства будутъ придуманы),—кромѣ всего этого и подобнаго этому, оо. сотрудники обязаны

1) неопустительно и безъ малѣйшаго замедленія доносить попечительству о смерти каждаго попечительскаго пансіонера, какъ скоро тотъ, или другая умираютъ, обозначая, разумѣется, при этомъ годъ и день смерти;

2) точно также доносить и о такихъ пансіонерахъ, или пансіонеркахъ, которые перемѣняютъ мѣсто жительства своего, опредѣляя при этомъ, откуда и куда именно они переселились, или переселяются, и по какой причинѣ;

3) доносить безъ замедленія и въ такихъ случаяхъ, когда въ сотрудничество (благочиніе) прибываютъ изъ другихъ сотрудничествъ новые пансіонеры, или пансіонерки (переселенцы), точно обозначая, когда именно они прибыли, откуда прибыли, гдѣ именно поселились и по какимъ уважительнымъ причинамъ;

4) Давать также Попечительству знать о малолѣтнихъ пансіонерахъ, или пансіонеркахъ, поступающихъ въ училища на казенное содержаніе;

5) не дожидаясь полугодичныхъ, или годовыхъ собраній духовенства, для обсужденія того, кто изъ пансіонеровъ, или пансіонерокъ стоитъ, кто не стоитъ и п. т., о случаяхъ особенныхъ съ этими лицами и о какихъ либо чрезвычайныхъ ихъ обстоятельствахъ доводить до свѣдѣнія попечительства тотчасъ, какъ только такіе случаи и обстоятельства представляются;

6) наблюдать, чтобъ въ клировыхъ вѣдомостяхъ: а) попечительскіе пансіонеры и пансіонерки писались при церквахъ именно тѣхъ приходовъ, въ которыхъ они дѣйствительно живутъ; б) точно указывались: аа) годы жизни пансіонеровъ или пансіонерокъ, бб) годъ назначенія и перваго полученія ими пособія, вв) количество этого пособія; в) какъ можно опредѣленіе отмѣчались: аа) ихъ поведеніе, бб) родъ занятія, вв) средства къ жизни, или же состояніе, наприм. имѣютъ ли они собственные дома, землю и п. т.

7) непременно стараться (это должны наблюдать особенно старшіе по уѣздамъ сотрудники, то есть отцы протоіереи уѣздные), чтобъ клировыя вѣдомости цѣлаго уѣзда располагались и переплетались (отдѣльными ли книгами, или въ одной общей книгѣ) по № № благочинія (начиная, разумѣется, съ городского благочинія и 1-го №), а въ благочиніяхъ—чтобы села располагались по алфавиту.

8) какъ скоро пансіонеръ, или пансіонерка перемѣняютъ мѣсто жительства и выбываютъ изъ сотрудничества, выдачу пенсіи имъ должно тотчасъ останавливать, и остановленную такимъ образомъ пенсію возвращать въ попечительство, которое удерживаетъ ее до тѣхъ поръ, пока не получитъ надлежащія свѣдѣнія о новомъ мѣстѣ жительства пансіонеровъ, или пансіонерокъ, и о уважительности причинъ, побудившихъ къ переселенію. Въ томъ же случаѣ, если бы попечительство на слишкомъ долгое время было

оставлено въ неизвѣстности о новомъ мѣстѣ жительства пансіонера, или пансіонерки, равномѣрно и о причинахъ, побудившихъ къ переселенію, и если бы такая неизвѣстность происходила по винѣ самого пансіонера; то выдачу имъ пенсіи попечительство совсѣмъ прекращаетъ, на столько полугодій, сколько пройдетъ въ сейчасъ извѣстной неизвѣстности.

Б) для духовенства вообще и въ частности для пансіонеровъ и пансіонерокъ попечительства:

1) Въ случаѣ смерти попечительскаго пансіонера, или пансіонерки духовенство того прихода, въ которомъ они жили, не позже 2-го или 3-го дня смерти, должно доносить о томъ мѣстному сотруднику попечительства, съ показаніемъ года и дня смерти.

2) Пансіонеръ или пансіонерка попечительства, перемѣняя мѣста жительства, обязаны сами (а въ случаѣ ихъ болѣзни, или малолѣтства—ихъ попечители, или опекуны), доводить о томъ до свѣдѣнія мѣстнаго сотрудника, вѣрно объясняя ему причину своего переселенія и мѣсто новаго жительства.

3) Прибывши на мѣсто новаго жительства, пансіонеръ, или пансіонерка, немедленно должны явиться къ тамошнему сотруднику и опредѣленно извѣстить его, откуда они прибыли, гдѣ именно хотѣли поселиться и по какимъ причинамъ, какъ оставили прежнее мѣсто жительства, такъ и избрали новое.

Примѣчаніе. Несоблюденіе пансіонерами, или пансіонерками двухъ послѣднихъ правилъ (какъ это выражено и въ 8 правилѣ для сотрудниковъ) можетъ повлечь за собою *лишеніе пенсіи*, на столько полугодій, на сколько попечительство будетъ оставлено въ неизвѣстности о новомъ мѣстожителствѣ ихъ.

— Отъ кievской духовной консисторіи объявляется къ свѣдѣнію, кого слѣдуетъ, что имѣются учительскія вакансіи въ церковно-

приходскихъ школахъ слѣдующихъ мѣстъ : с. Шелепухахъ , м. Вязовѣ , Матусовѣ , с. Ксаверовѣ , Макіевкѣ , Самгородкѣ , Куцовѣ , Калиновой ; означенныя учительскія вакансіи имѣются въ 6-мъ округѣ благочинія , черкаскаго уѣзда ; кромѣ того въ 5 округѣ благочинія васильковскаго уѣзда , и въ 7 округѣ благочинія таршанскаго уѣзда , въ селахъ : Скаль , Ново-Животовѣ и д. Скоморошкахъ . Къ занятію тѣхъ вакансій приглашаются ученики , уволенные изъ средняго и низшаго отдѣленій семинаріи , съ одобрительнымъ поведеніемъ . Вознагражденіе учителямъ предлагается 4—10 руб. въ мѣсяць , а также столъ и квартира .

КІЕВСКІЯ ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

1-го Сентября

№ 17.

1863 года.

ОТДѢЛЪ ВТОРЫЙ.

Содержаніе: а) Слово въ день тезоименитства Благочестивѣйшей Государыни Императрицы МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ. б) Иванъ Михайловичъ Скворцевъ, кафедральный протоіерей кіево-софійскаго собора. (Некрологъ). в) Извѣстія и замѣтки.

С Л О В О

ВЪ ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА БЛАГОЧЕСТИВѢЙШЕЙ ГОСУДАРЫНИ
ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ АЛЕКСАНДРОВНЫ (*).

*Жено, что плачеша, кого ищеша;
взяша Господа моего, и не вѣмъ,
иди положиши Его.*

Маріе!

Раввуні? Іоан. 20, 13. 15. 16.

Вы знаете, братіе, откуда взяты слова эти: такъ описывается въ евангелии первое явленіе воскресшаго Господа одной изъ мученицъ, извѣстной особенною любовію и усердіемъ къ Нему, именно—Маріи Магдалинѣ, которой празднуетъ нынѣ св. Церковь, соединяя съ этимъ празд-

(*) Сказано, 22 іюля 1863 г., протоіереемъ Н. Оаворовымъ въ кіево-софійскомъ соборѣ.

нествомъ торжество въ честь благочестивѣйшей Государыни Императрицы нашей, тезоименитой равноапостольной послѣдовательницѣ Христовой.

Не много словъ, но подъ ними заключается цѣлая исторія внутренней жизни преданнаго Господу сердца въ минуты самыхъ тяжкихъ для него лишеній и недоумѣній, — исторія, полная глубокаго назиданія для всякой вѣрующей души, когда она встрѣчается съ подобными же испытаніями. Надѣмся, что вы не откажетесь войти вмѣстѣ съ нами въ ближайшее разсмотрѣніе этого предмета.

Крестныя страданія и смерть Іисуса Христа такъ поразили ближайшихъ послѣдователей Его, что они находились тогда въ состояніи неизъяснимаго смущенія и скорби. Господь ясно предсказывалъ имъ обо всемъ, что должно было случиться съ Нимъ въ концѣ земнаго служенія Его, по опредѣленію вѣчной премудрости, правды и благодати Божіей; но они не могли и представить себѣ, чтобы небесный Учитель ихъ, обладавшій всѣми совершенствами обѣтованнаго Христа Спасителя, учившій — какъ никогда никто не училъ, творившій дѣла, которыхъ отъ вѣка не видали, разрушавшій безъ всякаго труда самыя хитрые навѣты враговъ своихъ, привлекавшій къ себѣ сердца всѣхъ, не чуждавшихся упорно истины и правды, подвергся наконецъ участи, самой жалкой и для обыкновеннаго смертнаго, уступилъ насилію злобныхъ враговъ своихъ, потерпѣлъ отъ нихъ страшныя муки и вмѣсто того, чтобы явиться торжествующимъ въ главѣ избранныхъ Божіихъ, явился на крестѣ и въ страшныхъ страданіяхъ испустилъ духъ свой. Когда же все это совершилось предъ ихъ глазами, они не знали, что дѣлать, что думать и чего ожидать. Одна любовь къ Іисусу Христу, которая не только не охладѣвала въ нихъ среди такихъ обстоятельствъ, но и сильнѣе разгаралась, спасала ихъ отъ отчаянія. Въ то время какъ умъ ихъ терялся въ недоумѣніяхъ и не могъ, такъ сказать, пробиться сквозь густую тьму безотрадной неизвѣстности, сердце ихъ было съ Распятымъ, умершимъ и погребеннымъ, и хранило въ себѣ залогъ утѣшенія, недоступнаго никакимъ земнымъ

соображеніямъ и расчетамъ. Съ особенною ясностію это видно изъ примѣра св. мурносиць, между которыми, на первомъ мѣстѣ является вездѣ Марія Магдалина.

Вѣрныя послѣдовательницы Господа Іисуса, во дни Его свободнаго обращенія между народомъ, жены мурносицы не оставили Его и въ страшную пору Его страданій и смерти. Велико было тогда искушеніе для ихъ святой преданности Господу Спасителю. Какихъ жестокостей надъ Божественнымъ Страдальцемъ не насмотрѣлись онѣ, какихъ глумленій надъ Нимъ не наслушались!—*Уа, разоряяи Церковь и тремя деньми созидаю, спасися нынѣ самъ и спиди со креста... Упова на Бога, да избавитъ Его нынѣ, аще хошетъ Ему: рече бо, Божій есмь сынъ...* По видимому враги Его торжествовали вполнѣ, свидѣтельствуясь самымъ успѣхомъ дѣла свѣго, что они погубили человѣка, который хотѣлъ только выдать себя за Христа, но былъ простымъ смертнымъ. Однакожь жены не отвратились сердцемъ отъ Распятаго. Онѣ, конечно, не умѣли еще объяснить себѣ страннаго и страшнаго событія; но когда все, казалось, возставало противъ Осужденнаго, сердце ихъ было за Него. Не пытаясь разгадать мнимыхъ противурѣчій, или, лучше, совѣмъ и не думая объ этомъ, онѣ искали послужить, чѣмъ могли, Умершему, такъ же какъ служили Ему при Его жизни. Враги торопились окончить дѣло свое, потому что наступалъ великій праздникъ. Увѣрившись въ Его смерти, они сняли Его со креста, и нѣкоторые изъ благочестивыхъ мужей безъ труда получили дозволеніе совершить надъ Нимъ погребеніе. Іосифъ и Никодимъ, обвинивши тѣло Его плащаницею, положили Его въ готовомъ, близко находившемся, гробѣ, къ которому стража привалила камень и приложила печать. Жены не могли принять участія въ погребеніи; но онѣ позаботились приготовить ароматы, чтобы послѣ помазать тѣло Господа. И когда минула суббота,—рано утромъ, *еще сущей тьмѣ*, поспѣшили ко гробу. Ихъ такъ сильно занимало дѣло ихъ святаго усердія, что онѣ, и не подумали о препятствіяхъ къ исполненію его и только, подходя уже къ гробу, вспомнили, что къ

нему приваленъ камень. *Кто намъ отвалитъ камень отъ дверей гроба?* спрашивали онъ одна другую въ недоумѣннй; однакожь продолжали идти спѣшно ко гробу. Но—камень былъ отваленъ. Другое недоумѣнне представилось имъ: во гробѣ не оказалось тѣла Умершаго. Что должны были почувствовать тогда жены мруносицы?

Намъ неумѣстно здѣсь входить въ подробности событiя; обращаемся къ тому, съ чего начали бесѣду нашу. Марiя стояла у гроба и плакала. Потомъ, приникши въ гробъ, увидѣла ангеловъ, которые и спросили ее, о чемъ она плачетъ. Вся занятая одною мыслию и однимъ чувствомъ, Марiя не удивилась даже чрезвычайному явленiю лицъ во гробѣ, какъ будто ничего особеннаго въ этомъ не было, и только отвѣчала на вопросъ, близкiй ея сердцу: *взяша Господа моего и не вѣмъ, гдѣ положиша его.*— О, какую святою скорбiю и любовiю звучитъ жалоба сiя! *Взяша Господа моего!*—Осужденный, опозоренный, умученный и умерщвленный на крестѣ, какъ тяжчайшiй преступникъ, Онъ для нея тѣмъ не менѣе—Господь; Онъ Господь ея, Господь сердца ея, тотъ, кому она посвятила всю душу свою. Гдѣ же Онъ хотя и умершiй? Кто взялъ тѣло Его? Ничто другое не занимало Марiи, ищущей Господа своего, хотя предъ нею были небесные вѣстники. Она обратилась назадъ, какъ бы продолжая искать взорами предмета святой любви и скорби своей. Между тѣмъ Господь, котораго она искала съ мертвыми, стоялъ за нею живый. *Жено, что плачешу; кого ищешу;* спросилъ ее самъ Воскресшiй. Но она отъ скорби не узнала и Его и думая, что это вертоградарь, снова спрашивала объ умершемъ: *Господи, аще ты еси взялъ Его, повѣждь мнѣ, гдѣ еси положилъ Его, и азъ возму Его.*—*Марiе!* произнесъ тогда Господь, и этимъ наименованiемъ какъ бы пробудилъ ее отъ тяжкаго сна. *Раввунн,* то есть: Учитель мой, воскликнула Марiя, и больше ничего не могла сказать Ему отъ радости. Такъ разрѣшилась скорбь глубоко и благоговѣнно любящаго сердца въ неизъяснимую радость. Крѣпкая и святая любовь получила несравненно больше того, чѣмъ чего сама искала.

Не случается ли и намъ, братіе, находиться въ положеніи Маріи, плачущей у празднаго гроба Христова? Можетъ быть, подобные случаи не такъ необыкновенны, какъ это, по всей вѣроятности, покажется многимъ съ перваго взгляда. Наша вѣра въ Господа нашего Иисуса Христа очень нерѣдко подвергается тяжкимъ испытаніямъ, и мы убѣждены, что почти всякая христіанская душа знакома съ тою глубокою, сердечною скорбію, отъ которой излилась жалоба мруносицы. Возьмемъ на примѣръ такое явленіе: пока жизнь наша течетъ довольно ровно и спокойно, безъ особенныхъ скорбей и лишеній, мы обращаемся къ Господу, какъ соприсутствующему съ нами, живому и животворящему, мы молимся Ему, благодаримъ Его, славословимъ Его, слагаемъ предъ Нимъ свои обѣты, желанія и самыя недоумѣнія и печали, такъ какъ бы имѣли Его предъ собою. Но вотъ—благополучіе наше внезапно рушилось; въ судьбѣ нашей произошелъ горькій для насъ переворотъ; жизнь наша, такъ сказать, разбита и не свѣтитъ даже надежды на возрожденіе прежняго благополучія нашего. Тогда вѣра наша, можно сказать, возносится на крестъ. Какъ враги, ее обходятъ рошущіе помыслы наши и требуютъ отъ нея знаменій, или подвергаютъ сомнѣнію ея силу и значеніе. Только сердце наше, если оно успѣло прилѣпиться къ Господу, не хочетъ отступить отъ Него. Въ скорби, острымъ оружіемъ проходящей всю душу, страждущій христіанинъ становится на молитву; но, Боже мой, и здѣсь онъ не обрѣтаетъ успокоенія: какъ будто самое сердце, въ которомъ сокрыта была вѣра, оказывается празднымъ. Гдѣ же Господь? Гдѣ твое упованіе на Него?—*Взяша Господа моего, и не вѣмъ гдѣ положиша его*, вопіетъ уязвленное скорбію сердце. Такія минуты невыразимо тяжки. Среди различныхъ до безконечности превратностей въ жизни нашей, одно только возможно постоянное, неизмѣняемое, всегда подкрѣпляющее и оживляющее насъ, это—вѣра въ Господа—Творца, Промыслителя и Спасителя нашего, и если вѣра оскудѣваетъ и какъ бы уносится отъ насъ, то гдѣ и въ чемъ больше искать оживленія! Какъ же болѣзненъ вопль сердца, не

обрѣтающаго Господа; какое страданіе испытываетъ душа, когда изливается изъ нея жалоба, подобная жалобѣ мурноносицы: *взмиа Господа моего, и не вѣмъ гдѣ положиша Его!*

Но, страждущіе собратіе, да не изнемогаемъ въ скорбяхъ нашихъ, храня больше всякаго сокровища любовь къ Господу Богу, которая Его же благодатию посѣяна въ сердцахъ нашихъ. Господь всегда близъ, и какъ созиди Маріи, плакавшей передъ празднымъ гробомъ Христа, стоялъ самъ воставшій отъ гроба Христось, такъ и всегда за скорбящимъ, но любящимъ и не отчаевающимся, христіаниномъ невидимо стоитъ Онъ же—Господь и Спаситель нашъ, и кто не перестаетъ искать Его, не перестаетъ простираться къ Нему своихъ желаній и молитвъ, тотъ обрѣтетъ Его, услышитъ внутреннимъ слухомъ сердца гласъ Его и узнаетъ въ Немъ небснаго Утѣшителя своего, получить отъ Него больше, чѣмъ чего искалъ и просилъ у Него.

Укажу на другой случай еще болѣе тяжкаго испытанія для вѣры нашей. Бываютъ времена, когда духъ, враждебный вѣрѣ Христовой, разливается, какъ заразительная болѣзнь, по цѣлымъ обществамъ. Къ прискорбію, мы знаемъ это не по какому нибудь преданію, а по собственному опыту; потому что и въ наше время силенъ разливъ невѣрія. И трудно противостоятъ этому разрушительному духу. Когда одни явно и смѣло отвергають истину Евангелія Христова, другіе хотя не свидѣлствуютъ на Христа, не осуждаютъ Его предъ глазами міра, не вопіють противъ Его Божественнаго достоинства, силы и славы, но—сочувствуютъ врагамъ Его и жизнью своею показываютъ, что они не за Христа, а противъ Христа; когда иные, наконецъ, равнодушны ко всему, что относится къ вѣрѣ Христовой, и безразлично смотрятъ на вѣру и невѣріе, какъ бы на явленія не существенныя, не составляющія ничего особенно важнаго для человѣка: то много нужно духовной бодрости, мужества, осмотрительности, чтобы не потерпѣть чего нибудь отъ такого направленія. И кто знаетъ, сколько, можетъ быть, лицъ между нами, которыя

по временамъ болѣзненно восклицаютъ, покрайней мѣрѣ, въ сердцѣ своемъ: *взяша Господа моего, и не вѣмъ гдѣ положиша Его!* Иной воспитанъ въ благочестіи Христовомъ, съ раннихъ лѣтъ пручень обращаться къ Богу въ радости и печали, находить лучшее и чистѣйшее удовольствіе въ дѣлахъ христіанскаго богопочтенія; но вотъ на него повѣяло духомъ сомнѣнія, разрушающимъ его святія убѣжденія, у него не достаетъ нравственной силы, чтобъ отразить напоръ то явнаго и налага, то скрытаго подъ благовидною разумностію невѣрія, и онъ теряетъ одно за другимъ драгоценныя сокровища благочестія. Все, что такъ благотворно дѣйствовало на него прежде, перестаетъ мало по малу занимать его и доставлять ему духовное ободреніе и утѣшеніе. Самое высокое и благотворное дѣйствіе христіанское—молитва къ Богу, это дыханіе духа нашего, подлинная жизнь нашего сердца, начинаетъ казаться ему однимъ обрядомъ, а не живымъ собесѣдованіемъ со всевѣдущимъ, всеисущимъ и всепромышляющимъ Богомъ. И остается ли что въ замѣнъ такой утраты? Ничего. Вотъ несчастье, котораго многіе не примѣчаютъ, но предъ которымъ все дряхляе несчастія и скорби въ существѣ ничтожны! О, когда бы подумали провозвѣстники отрицанія, такъ легко налагающіе руку на всякую святыню души вѣрующей, иногда какъ будто забавляющіеся попраиёмъ самыхъ дорогихъ для духа человѣческаго предметовъ, какое зло вносятъ они въ общество, сколько жизней могутъ отравить своимъ ядомъ! Если они сами въ себѣ еще не чувствуютъ этого яда, то не потому ли главнымъ образомъ, что они заняты пока повравившимся имъ дѣломъ и не успѣли еще оглянуться на себя и сознать собственнаго своего положенія? Какъ бы то ни было, но—повторяемъ—несчастье утратить простую, искреннюю вѣру въ Бога Творца и Спасителя есть верхъ несчастія и скорби для всякой души, не растлѣнной еще пороками крайняго невѣрія.—Бѣдная душа! У тебя взяли Господа твоего, и ты не знаешь, гдѣ Его скрыли, гдѣ найти похищенное у тебя сокровище, какъ возвратить свою вѣру!

Но если ты еще любишь то, что у тебя какъ будто отнято,—не унывай. Вѣрь сердцу твоему, которое, не смотря на недоумѣнія даже собственнаго твоего разума, не напрасно стремится къ источнику всякой жизни и утѣшенія. Люби и молись, и Господь самъ явится тебѣ, и ты увидишь Его, не въ мертвыхъ только понятіяхъ ученія, но въ живомъ соприсутствіи твоему духу, услышишь въ сердцѣ твоемъ благодатное призваніе Его, и тогда, хотя бы ангель съ небеси сталъ увѣрять тебя въ противномъ чистой вѣрѣ, не смутишься и скажешь ему апостольское запрещеніе. *Любви Мя возлюбленъ будетъ Отцемъ моимъ, и Азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ. Печаль имате нынѣ... каки же узрю вы, и возрадуется сердце ваше, и радости вашей никто же возьметъ отъ васъ.*

Стойте въ вѣрѣ, мужайтесь, укрѣпляйтесь: вся вамъ любовь да бываютъ,—примемъ къ сердцу это увѣщаніе апостольское, и всегда благовременное для насъ, но, можетъ быть, теперь больше,—чѣмъ когда нибудь.

Благо намъ, что въ главѣ отечества нашего, издревле крѣпкаго и сильнаго православною вѣрою, стоятъ боговѣнчанные покровители вѣры, призывающіе насъ словомъ и примѣромъ къ сохраненію и охраненію истиннаго благочестія христіанскаго. Кто не помнитъ словъ августѣйшаго Монарха нашего, призывавшаго всѣхъ насъ, при самомъ восшествіи своемъ на престоль, къ единодушному содѣйствію благу церкви православной? И теперь, среди многоразличныхъ заботъ о благосостояніи и счастья своего народа, не составляетъ ли особеннаго предмета Его вниманія и попеченія распространеніе въ народѣ религіозно-нравственнаго образованія? Кто не слышалъ о глубококомъ благочестіи и высоко-просвѣщенной ревности по чистой и святой вѣрѣ августѣйшей Государыни Императрицы нашей, какъ самой вѣрной и неунынной помощницы державному Супругу своему въ благословенныхъ трудахъ Его царственнаго служенія! Благодаря всѣмъ сердцемъ Царя небеснаго за такую милость Его къ намъ, позаботимся быть возможно-достойными ея и сами поревнуемъ первѣе всего и больше всего о преслѣянїи и утвер-

жденіи въ насъ духа истинно-христіанскаго: *да держимъ исповданіе упованія неуклонно и да разумываемъ другъ друга въ поощреніи любви и добрыхъ дѣлъ* Сохрани Богъ cadaго отъ такого великаго грѣха и вмѣстѣ несчастія, чтобы *полагать камень претыканія и соблазна брату своему*: единовѣрные и единоемные должны служить другъ другу съ чистымъ и христіанскимъ братолюбіемъ, содѣйствуя чѣмъ и сколько возможно общему благу церкви и отечества. О царѣ же и отечествѣ своемъ да будетъ всегдашняя, искренняя молитва наша:

Господи, спаси Царя и услыши ны!

Господи, спаси люди твоя и благослови достояніе твое!

ИВАНЪ МИХАИЛОВИЧЪ СКВОРЦЕВЪ,

КАФЕДРАЛЬНЫЙ ПРОТОПЕРЕЙ КИЕВО-СОФІЙСКАГО СОВОРА.

(Некрологъ).

Въ предшествовавшемъ № нашего изданія мы передали уже нашимъ читателямъ краткое извѣстіе о кончинѣ и погребеніи этого высокопочтеннаго пастыря и ученаго; теперь сообщимъ нѣсколько біографическихъ свѣдѣній о его жизни и многосторонней дѣятельности.

Покойный *Иванъ Михайловичъ* (ниже мы скажемъ, почему такъ называемъ и будемъ называть почившаго о. протоіерея) принадлежитъ къ числу тѣхъ не многихъ личностей, которые въ одинаковой мѣрѣ и располагаютъ къ себѣ и возбуждаютъ глубокое невольное уваженіе, тѣхъ свѣтлыхъ и высокихъ образовъ, которые особенно успокоительно дѣйствуютъ на душу, возмущаемую пустотою и дразнами обыкновенной жизни, тѣхъ рѣдкихъ дѣятелей, многоплодныхъ и просвѣщенныхъ, которые своими хотя не громкими, но истинно полезными и почтенными трудами начертываютъ свое имя въ исторіи. Имя покойнаго, скажемъ безъ преувеличенія, извѣстно было во всей Россіи. Число слушателей его можно считать тысячами, число читателей и почитателей—десятками тысячъ и болѣе. Было время, когда въ нѣкоторыхъ отрасляхъ науки учебныя заведенія наши, какъ духовныя такъ и свѣтскія, пользовались плодами его трудовъ то преимущественно, то даже исключительно. Были и другія произведенія его пера, хотя не предназначавшіяся для школы, но тѣмъ не менѣе пользовавшіяся извѣстностію. Были между его сочиненіями и такія, которыя, оставаясь въ рукописи, имѣли большую

извѣстность, чѣмъ многія печатныя сочиненія. Одни питомцы кievской академіи разносили объ немъ вѣсти всюду по Россіи, и кому изъ нихъ, еще прежде поступленія въ академію, не былъ знакомъ образъ мудраго наставника философіи, кому не представлялся этотъ образъ въ самыхъ роскошныхъ и заманчивыхъ чертахъ! И когда такъ широко распространялась слава его по Россіи, на немъ не сбылись такъ часто оправдывающіяся въ жизни слова: *ишьть пророкъ безъ чести, токмо во отечествіи своемъ*; напротивъ какъ вездѣ, такъ и здѣсь онъ пользовался равною извѣстностію и уваженіемъ. Молва предваряла будущихъ питомцевъ академіи о солидно - ученыхъ чтеніяхъ Ивана Михайловича, самыя чтенія служили оправданіемъ ея.

Но если внѣ Кіева Иванъ Михайловичъ извѣстенъ былъ какъ дѣятель науки, то намъ онъ знакомъ вмѣстѣ и какъ дѣятель жизни. Вся его служебная дѣятельность, вся можно сказать жизнь его посвящена была Кіеву, кievскимъ учебнымъ заведеніямъ и кievской епархіи; этимъ онъ связалъ на всегда свое имя съ исторіею нашего края. И если для всѣхъ знавшихъ его лично, или только по сочиненіямъ, интересно и пріятно было бы прослѣдить со всею подробностію продолжительную жизнь и многостороннюю дѣятельность его, ознакомиться со всѣми обстоятельствами его постепеннаго развитія въ мужа зрѣлаго и совершеннаго, со всѣми проявленіями его твердой и богатой натуры, то этотъ интересъ и эта пріятность удвоятся и утроятся для насъ, видѣвшихъ его такъ долго предъ своими глазами и такъ много пользовавшихся плодами его зрѣлой мысли и опыта, богатаго знаніемъ.

Къ сожалѣнію, мы не можемъ представить нашимъ читателямъ сколько нибудь полную картину внутренней жизни и многосторонней дѣятельности почившаго. Иванъ Михайловичъ, къ особенной чести его сказать надо, принадлежалъ къ числу такихъ замѣчательныхъ дѣятелей, которыхъ біографіи пишутся не вдругъ. Почитателямъ его памяти предстоитъ предварительный трудъ собиранія матеріаловъ для его біографіи. И надо замѣтить, что этотъ трудъ будетъ не легкій и можетъ совершиться не скоро,

такъ какъ покойникъ не любилъ никогда высказываться. Это натура въ высшей степени сосредоточенная, сдержанная и ровная, всегда вѣрная однажды принятымъ нормѣ и порядку жизни, никогда не выступавшая за предѣлы очерченнаго ею круга, любившая болѣе свой внутренній міръ душевной дѣятельности, чѣмъ внѣшній круговоротъ общественной жизни. Кажется, для него не имѣли значенія ни мысль, ни чувство, коль скоро они не имѣли прямого приложенія къ жизни, не могли быть съ пользою осуществлены на дѣлѣ, и если въ жизни, даже на высокихъ ступеняхъ общественной лѣстницы, такъ часто попадаютъ люди, о которыхъ мы говоримъ: это мужъ слова, а не дѣла, то о покойномъ Иванѣ Михайловичѣ со всею справедливою можно замѣтить, что это былъ по преимуществу мужъ дѣла.

Итакъ, вмѣсто сколько нибудь обстоятельной біографіи, мы предложимъ лишь общее очертаніе жизни и преимущественно ученой и служебной дѣятельности Ивана Михайловича.

По мѣсту рожденія и воспитанія Иванъ Михайловичъ принадлежитъ Сѣверу, по жизни и дѣятельности онъ нашъ. Родился онъ въ 1795 году, нижегородской губерніи арзамасскаго уѣзда въ селѣ Стытковѣ. Отецъ его Михайилъ былъ священникомъ того села. Жизнь не улыбнулась Ивану Михайловичу въ началѣ, не приютила его ни богатствомъ, ни довольствомъ. Хотя о первомъ періодѣ жизни его мы не имѣемъ никакихъ почти свѣдѣній, но, зная до нынѣ скудный и простой бытъ духовенства того края, легко можемъ составить себѣ понятіе о той бѣдной и простой обстановкѣ, среди которой онъ проводилъ первые годы своей жизни. Еще въ дѣтствѣ суждено было ему лишиться матери, и это обстоятельство имѣло безъ сомнѣнія немалую долю вліянія на его душевное развитіе, въ которомъ всегда являлись преобладающими мысль и воля, а не чувство и воображеніе. Въ раннихъ также лѣтахъ лишился онъ и отца, и конечно внѣшнія условія воспитанія, въ то время вообще суроваго и крайне бѣднаго, сдѣлались съ той поры еще болѣе затруднительными для него. Мы не

знаемъ, чьей благотворительности и попеченію, кромѣ правильнѣе организованныхъ тогда средствъ казеннаго воспитанія, обязанъ былъ круглый сирота возможностью продолжить свое образованіе. Не имѣемъ также никакихъ положительныхъ данныхъ для того, чтобы судить о томъ, благопріятно или неблагопріятно дѣйствовала на его развитіе суровая обстановка воспитанія; ограничимся поэтому лишь общимъ замѣчаніемъ о значеніи такого рода обстановки въ дѣлѣ воспитанія. Что бы ни говорили о благотворномъ вліяніи подобной обстановки на образованіе твердаго, устойчиваго характера, упругости души, такъ необходимой въ жизни, усидчивости и аккуратности въ занятіяхъ, вѣрности однажды избранному направленію, и т. под., намъ всегда представлялась болѣе примѣтною другая сторона ея, мрачная, какъ и сама она, именно: по мѣрѣ того какъ развивается умъ, и то впрочемъ съ большимъ трудомъ, медленностію и разными неизбежными дефицитами, и образуется характеръ, по большей части насильственнымъ, гнетущимъ образомъ, сторона эстетическая, сердечная остаются безъ вниманія, и развѣ въ послѣдствіи времени какія либо счастливыя обстоятельства жизни придутъ на помощь, а они для многихъ и весьма многихъ, воспитывающихся при такихъ условіяхъ, приходятъ весьма не скоро, часто не въ пору, иногдажъ и вовсе не приходятъ.

Впрочемъ если указанные обстоятельства и имѣли какое нибудь неблагопріятное или вообще задерживающее дѣйствіе на развитіе Ивана Михайловича, то за то преобразованную тогда систему духовнаго воспитанія можно считать обстоятельствомъ, весьма благопріятствовавшимъ его научному образованію. Онъ воспитывался сперва въ нижегородской семинари, а потомъ въ петербургской академіи — въ первой тотчасъ послѣ ея преобразованія, во второй въ скоромъ времени послѣ ея основанія по новому проекту системы духовнаго воспитанія.

Какъ человѣку новаго образованія, окончившему притомъ курсъ съ отличнимъ успѣхомъ, Ивану Михайловичу суждено было начать свое служебное поприще участіемъ въ продолжавшейся еще въ то время обширной реформѣ

духовныхъ учебныхъ заведеній, и это обстоятельство перенесло его отъ мѣста рожденія и воспитанія, съ далекаго Сѣвера на Югъ и навсегда привязало его къ этому послѣднему. Въ 1817 году, когда Иванъ Михайловичъ окончилъ курсъ въ академіи, рѣшено было приступить къ преобразованію и устройству духовныхъ учебныхъ заведеній, имѣвшихъ образовать собою кіевскій духовно-учебный округъ, и ему выпалъ жребій быть въ числѣ первыхъ и, надо сказать, самыхъ лучшихъ дѣятелей на этомъ поприщѣ, въ числѣ первыхъ наставниковъ кіевской семинаріи и новой кіевской академіи. Но прежде скажемъ нѣсколько словъ о состояніи духовнаго образованія въ то время на Югѣ.

Было время, когда это образованіе находилось здѣсь на самой высокой степени, когда Югъ отъ избытковъ своего умственного богатства удѣлялъ Сѣверу, насаждая тамъ сѣмена просвѣщенія, высылая туда ученыхъ дѣятелей, просвѣщенныхъ и добродѣтельныхъ архипастырей. Такъ было во второй половинѣ XVII и въ теченіи всего почти XVIII столѣтія. Это была умственная культура, колонизація Сѣвера, а шла она съ Юга. Кіевскіе ученые являются дѣятельными пособниками Петра Великаго въ его реформѣ, совершенно преобразовываютъ церковно-административный порядокъ, организуютъ цѣлую систему духовнаго образованія, простираютъ даже свое вліяніе за предѣлы этого образованія. Всѣ первыя какъ духовныя, такъ и свѣтскія учебныя заведенія на Сѣверѣ Россіи устроятся по образцу славной кіевской академіи, и первыми дѣятелями въ большей части изъ нихъ были ея воспитанники. Кажется даже, что Югъ болѣе давалъ Сѣверу, чѣмъ сколько оставлялъ себѣ. Кому не извѣстны славныя имена Елифанія Славеницкаго, Симеона Полоцкаго, Арсенія Сатановскаго, братьевъ Лихудовъ, Стефана Яворскаго, Теофана Прокоповича, св. Димитрія Ростовскаго, Теофилакта Лопатинскаго, Арсенія Мацѣвича, Тодорскаго, Завадовскаго, Безбородка, Трощинскаго и многихъ другихъ воспитанниковъ кіевской академіи, принесшихъ свои дарованія и познанія въ жертву Сѣверу! Но въ то время, какъ Сѣверъ, подъ вліяніемъ

просвѣщенія , занесеннаго съ Юга и при пособіи могущественнаго правительства , созданнаго Петромъ Великимъ; возрасталъ по всѣмъ сторонамъ жизни , съ необычайною быстротою , Югъ упадаль и слабѣль все болѣе и болѣе. Политическія смуты и раздѣленіе , страшныя притѣсненія за вѣру въ областяхъ , оставшихся подъ владичествомъ Польши , введеніе новой государственной системы , своеволіе и корыстолюбіе чиновниковъ въ областяхъ , отошедшихъ къ Москвѣ , и многія другія обстоятельства были причиною того , что свѣтъ просвѣщенія начиналъ тускнѣть и померкать на Югѣ. Кіевская академія—плодъ частной благотворительности только и сильна была общественною поддержкою ; но когда лучшая и богатѣйшая часть общества въ сегобочной Украинѣ и другихъ польско-русскихъ областяхъ перешла въ унию и католичество , или разсѣяна и ослаблена невзгодами политическими , а въ тогобочной Украинѣ изживалась въ мелкихъ спорахъ и интригахъ , когда частная благотворительность не создавала уже и не поддерживала сколько нибудь значительныхъ школь , которыя служили бы подготовкою къ академіи ,—не только матеріальныя , но и моральныя силы ея истощались. Блестящая въ свое время система воспитанія ветшала и видимо отживала свой вѣкъ , а между тѣмъ въ академіи не являлось могучаго дѣятеля , который своимъ умомъ и понятіями сталъ бы выше этой системы , перестроилъ бы ее или замѣнилъ чѣмъ нибудь новымъ. Только Конисскій блеснулъ и оживилъ на время академію , но скоро перешелъ на другое поприще , а такіе , правда весьма почтенные дѣятели , какъ Иринея Фальковскій , недостаточны были для столь высокой цѣли. При такихъ обстоятельствахъ надо было ждать помощи отъинуды , и она явилась , хотя не такъ скоро , какъ это было нужно , но тотчасъ , какъ только приготовленно было все необходимое для этой цѣли. Теперь Сѣверъ и Югъ обмѣнялись ролями , теперь первый протянулъ руку второму , какъ тотъ протянулъ нѣкогда ему свою братскую руку. Умственное движеніе пошло обратнымъ путемъ , началась новая колони-

зація, культура... Иванъ Михайловичъ, сказали мы уже, былъ въ числѣ первыхъ дѣятелей въ этой колонизаціи.

Чтобы образоватъ новую академію, надо было приготовить годныхъ для нея слушателей, устроить семинарію и училище на новыхъ основаніяхъ. И вотъ академія закрыта, произведена сортировка учителямъ, многіе честные и усердные труженики должны были уступить мѣсто новымъ дѣятелямъ или отойти на задній планъ; произведено испытаніе академистамъ, — пришлось инымъ идти въ низшіе классы; не стало на время академіи, вмѣсто нея явилась семинарія и училище, за которымъ въ обществѣ осталось отнынѣ не лестное титуло бурсы, академисты должны были отсель называться семинаристами или просто бурсаками, самая академія, виднѣвшаяся впереди, извѣстна была напередъ какъ достояніе весьма и весьма немногихъ. Чувствительный, по крайнѣй мѣрѣ, щекотливый переворотъ! Во всей этой реформѣ самое дѣятельное участіе принималъ и Иванъ Михайловичъ, и не смотря на всю щекотливость совершившагося переворота, въ него, какъ и въ другихъ дѣятелей, сколько можемъ судить по дошедшему до насъ преданію, не было брошено ни одного слова укора, недовольства или зависти; напротивъ какъ на всѣхъ новыхъ дѣятелей, такъ въ особенности на Ивана Михайловича всѣ смотрѣли съ особеннымъ уваженіемъ и цѣнили его высоко. Такъ ли встрѣчены были наши первые ученые на Москвѣ, такъ ли приняты были москвичами Епифаній Славеницкій съ братіею?... Конечно, теперь время было уже не то; но нельзя не приписать и личнымъ достоинствамъ Ивана Михайловича, — его высокому образованію, свѣтлому уму, благородству и сдержанности характера того уваженія, которое онъ стяжалъ себѣ на первыхъ порахъ своей службы въ такомъ мѣстѣ и при такихъ обстоятельствахъ. Не мѣсто здѣсь говорить о томъ, на сколько примѣнима была къ потребностямъ нашего края эта новая общая для всей Россіи система духовнаго образованія и принесенная ею высшая эрудиція могла ли вознаграждать академію за утраченную ею

отнынѣ огромную популярность, открытый доступъ и сочувствіе свѣтскаго общества; но какова была степень этой эрудиции, можемъ судить потому, что первыя двухъ-годичныя чтенія Ивана Михайловича по философіи въ вновь открытой тогда кievской семинаріи имѣли большой успѣхъ,—объ нихъ съ особенною похвалою и уваженіемъ отзывались первые его слушатели.

Когда такимъ образомъ послѣ новаго двухъгодичнаго ученія въ кievской и другихъ вновь открытыхъ или преобразованныхъ въ тоже время семинаріяхъ (*) приготовлены были способные слушатели для академи, приступили къ открытію самой академіи, въ которую Иванъ Михайловичъ тогда же поступилъ бакалавромъ философіи. 28 сентября 1819 года происходило торжество открытія новой академіи. Припомнимъ нѣкоторыя подробности этого давно забытаго торжества. Тогдашній митрополитъ кievскій Серапіонъ служилъ обѣдно въ кievо-подольскомъ Успенскомъ соборѣ. Отсюда по окончаніи обѣдни совершенно крестный ходъ въ Братскій училищный монастырь, „въ сопровожденіи, какъ сказано въ журналѣ академическаго правленія отъ 19 октября того же года, генералитета и прочихъ воинскихъ и гражданскихъ чиновниковъ, всѣхъ учащихъ и учащихся въ духовныхъ училищахъ, и при многочислѣннѣйшемъ стеченіи народа.“ Здѣсь въ большой церкви отслуженъ былъ молебень о благопоспѣшномъ началіи академическаго ученія, послѣ чего посѣтители приглашены были въ академическій залъ. Ученики семинаріи и училищные стояли въ два ряда отъ церкви до залы и пѣли стихиру: *Днесъ благодать Св. Духа насъ*

(*) Вотъ эти семинаріи и число воспитанниковъ, присланныхъ ими въ составъ перваго курса кievской академіи: изъ полтавской семинаріи 4, орловской 6, вольнской 8, подольской 3, воронежской 4, минской 2, черниговской 3, и курской 8 студентовъ, всего 38 человекъ. Изъ кievской семинаріи, кромѣ поступившихъ по назначенію, приняты двое свѣтскихъ изъ учениковъ средняго отдѣленія по прошенію и на собственномъ содержаніи.

собра и проч., а студенты новооткрываемой академіи встрѣтили публику въ залѣ. Пропѣта молитва: *Царю небесный*, прочитанъ высочайшій указъ объ открытіи кievской духовной академіи, провозглашено многолѣтіе государю, Царствующему Дому и Св. Синоду, и когда митрополитъ сталъ благословлять и окроплять св. водою начальствующихъ, учащихъ и студентовъ, а также залъ и классы, въ это время, для развлечения публики пѣтъ былъ составленный на этотъ случай кантъ. За тѣмъ началось чтеніе разсужденій, нарочито для этого случая написанныхъ. Послѣ ректора архимандрита Мовсея и инспектора Михаила Леонтовича, вступилъ на каѳедру Иванъ Михайловичъ и произнесъ разсужденіе *о метафизическихъ началахъ философіи*. Послѣ него читано было разсужденіе бакалавромъ словесности Соколовымъ, а все торжество заключено было пѣніемъ: *Слава въ вышнихъ Богу*. Разсужденіе Ивана Михайловича написано было на латинскомъ языкѣ; но между тогдашними слушателями, даже изъ простыхъ гражданъ г. Кіева, было много такихъ, для которыхъ этотъ языкъ былъ хорошо понятенъ. Мы не имѣемъ подъ руками этого разсужденія и не можемъ судить о его достоинствѣ; но изъ дѣлъ академическаго правленія видно, что оно, будучи препровождено тогда же вмѣстѣ съ другими разсужденіями въ комиссію духовныхъ училищъ, въ іюнь 1820 года возвращено оттуда для перевода и обратной отсылки, что и сдѣлано авторомъ. Съ этой поры Иванъ Михайловичъ, какъ первый профессоръ семинаріи и академіи, сталъ извѣстенъ всему Кіеву и даже простымъ кievскимъ мѣщанамъ, которые долго, долго рассказывали разныя подробности о появленіи его въ Кіевѣ и первыхъ годахъ его службы.

Начатая такимъ образомъ служебная карьера Ивана Михайловича разрасталась съ каждымъ годомъ и вообще до того многосложна, разнообразна и продолжительна, что одно простое перечисленіе въ хронологическомъ порядкѣ должностей, которыя онъ проходилъ, порученій, которыя ему были одновременно даваемы, сочиненій, которыя онъ написалъ, наградъ,

которыя получаль, заняло бы много мѣста. Избѣгая этого утомительнаго и скучнаго перечисленія, мы постараемся въ замѣнъ того представить служебную карьеру и дѣятельность его въ общей картинѣ, въ главныххъ ея видахъ, охарактеризовать каждый изъ этихъ видовъ, и за тѣмъ указать на такія въ нихъ частности, которыя болѣе выдаются по своей важности и значенію.

Чтобы однимъ, такъ сказать, взглядомъ окинуть всю широту и долготу служебной дѣятельности Ивана Михайловича, всю массу труда, имъ потраченнаго, всю совокупность силъ, которыя требовались для такого громаднаго труда, довольно указать главные виды этой дѣятельности и опредѣлить степень продолжительности каждаго изъ нихъ. Такъ онъ былъ:

- въ званіи пастыря церкви 1820—1863 г.=43 года.
- (въ санѣ священника 1 г., въ санѣ протоіерея 42 г.)
- въ должности профессора 1817—1863 г.=46 г.
- (въ семинаріи 1817—1819 г.=2, въ академіи 1819—1849 г.=30, въ университетѣ св. Владиміра 1835—1859 г.=25, въ кievскомъ институтѣ благородныхъ дѣвицъ 1839—1855 г.=16, въ образцовомъ пансіонѣ 1837—1861 г.=24, въ училищѣ для дѣвицъ духов. званія 1861—1863 г.=2 г.)
- въ зван. члена академич. конференціи 1823—1863 г.=40 л.
- въ должности цензора 1828—1862 г.=32 г.
- въ должности члена консисторіи 1833—1863 г.=30 л.
- въ зван. члена окружнаго акад. правл. 1824—1849 г.=25 л.
- въ должности редактора 1837—1863 г.=26 л.
- (по изданію Воскреснаго Чтенія 1837—1862=25,
- по изданію Епарх. Вѣдомостей 1861—1863 г.=2 года)
- въ должности каедральн. протоіерея 1849—1863 г.=14 л.,
- въ званіи члена попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія 1849—1863=14 лѣтъ,
- въ должности члена по постройкѣ въ кievѣ Владимірскаго собора 1852—1863 г.=11 лѣтъ,
- въ званіи члена статистическаго комитета 1854—1863 г.=9 лѣтъ,
- въ должности распорядителя по училищу для дѣвицъ духовнаго званія 1861—1863 г.=2 года,

въ должности бібліотекаря академіи отъ 26 сентября 1819 по 10 іюля 1820 г. 1 годъ.

Изъ представленнаго перечня читатель можетъ усмотрѣть, что въ жизни Ивана Михайловича бывали такіе весьма значительныя промежутки времени, въ которые онъ занималъ одновременно отъ пяти до десяти должностей. Такъ съ 1835 и по 1849 г. онъ съ обязанностями пастыря соединялъ должности профессора академіи, университета, института и образцоваго пансіона, — редактора, цензора, члена консисторіи, академической конференціи и окружнаго академическаго правленія, и если послѣднія изъ этихъ должностей требовали, можетъ быть, не такъ много времени, то за то большая часть ихъ таковы, что каждая обыкновенно проходитъ однимъ лицомъ. Съ 1849 г. онъ оставилъ должность профессора академіи; но въ слѣдъ за тѣмъ прибавились новыя труды по управленію кафедральнымъ Соборомъ, предсѣдательствованію въ консисторіи и по должности члена епархіальнаго попечительства о бѣдныхъ духовнаго званія. Съ 1851 года оставилъ институтъ; но въ непродолжительномъ времени явились новыя должности и новыя обязанности. Если сосчитать все годы службы его по разнымъ должностямъ, то получится, въ итогѣ 347 лѣтъ службы, и если для болѣе трудныхъ должностей положить обыкновенный срокъ въ 25 лѣтъ, а для другихъ по 35 и 40 лѣтъ, то выйдетъ, что въ теченіи своей служебной дѣятельности Иванъ Михайловичъ понесъ столько труда, что его достало бы не менѣе, какъ на десять человѣкъ. Мы не причисляемъ сюда временно исполненныхъ имъ порученій начальства, каковы напр. ревизія семинарій съ состоящими при нихъ училищами: курской и воронежской въ 1828 г., волынской и подольской въ 1829 г., кишиневской 1833 г., кievской въ 1839 г. и полтавской въ 1843 г., а также обозрѣнія, по указу Св. Синода, церквей подольской епархіи, продолжавшагося цѣлый годъ; но если къ обыкновенной служебной дѣятельности его присовокупимъ его учено-литературныя труды, если примемъ во вниманіе, что при самой разнородной и тяжелой службѣ имъ написано одиннадцать сочиненій, изъ которыхъ

многія имѣли отъ трехъ до шести изданій и требовали пересмотра и дополненій, что кромѣ отдѣльныхъ сочиненій имъ помѣщено множество переводовъ и статей въ Воскресномъ Чтеніи и въ послѣднее время въ Кіевскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ и Руководствѣ для сельскихъ пастырей, и что наконецъ сверхъ печатныхъ сочиненій составлено имъ не мало полныхъ записокъ по богословскимъ и философскимъ наукамъ, которыя онъ преподавалъ въ теченіе своей слишкомъ сорокалѣтней профессорской службы въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, то въ общемъ итогѣ получимъ трудъ, предъ которымъ нельзя не преклониться съ особеннымъ уваженіемъ. Кто не знакомъ съ отличительными свойствами натуры Ивана Михайловича, съ его образомъ жизни и дѣятельности, для того можетъ казаться изумительнымъ и непонятнымъ, какъ онъ могъ нести такое бремя и при томъ такъ долго, какъ не подломилось его здоровье и силы подъ такую тяжелою ношею; иной подумать можетъ, что едва ли этотъ огромный трудъ былъ безъ недостатковъ, безъ упущеній. Но въ этомъ и заключается отличительное достоинство Ивана Михайловича, что въ его дѣятельности не было упущеній и если были, можетъ быть, какіе нибудь недостатки, то онѣ не зависѣли отъ недостатка доброй воли и усердія, если какіе либо изъ трудовъ его и можно было назвать несовершенными, то развѣ въ томъ общемъ смыслѣ, что нѣтъ труда человеческого вполнѣ совершеннаго. Аккуратность, регулярность, строгая соразмѣрность между временемъ, силами и трудомъ—вотъ что, кажется, было основнымъ правиломъ и отличительнымъ характеромъ его жизни и дѣятельности, и этимъ-то въ особенности объясняется точное и успѣшное выполненіе имъ самыхъ разнородныхъ и многосложныхъ обязанностей, лежавшихъ на немъ, и возможность такой продолжительной, многотрудной работы безъ явнаго ущерба силъ и здоровья. Часы занятій и отдыха, приема пищи, сна и прогулки рассчитаны были у него самымъ тщательнымъ образомъ, распредѣлены въ самомъ строгомъ порядкѣ, и развѣ особенный, чрезвычайный случай могъ нарушить этотъ порядокъ, замедлить напр. утреннюю или

вечернюю прогулку или урочный обѣдъ его въ 12-ть часовъ. Никогда онъ не бросаль дѣла, не кончивши, и не откладываль, какъ говорится, въ далекій ящикъ, никогда не дѣлаль одного дѣла въ ущербъ другому и не жертвоваль дѣломъ для дѣла, тѣмъ болѣе для удовольствія и развлеченія; на все было у него свое время и на все доставало времени. Не охочій на слова, если въ нихъ не заключалось дѣла, онъ не любилъ тратить время въ пустыхъ бесѣдахъ и разглагольствіяхъ, всегда занятый дѣломъ онъ бѣгаль праздныхъ собраній и развлеченій, даже такихъ, которыя въ обществѣ признаны необходимыми или неизбѣжными, цѣня въ одинаковой мѣрѣ и время и здоровье, онъ, наперекоръ вскоренявшемуся на его глазахъ новому складу общественной жизни, новымъ ея условіямъ и привычкамъ, не превращаль ночи въ день и дня въ ночь,—никто никогда и нигдѣ не видалъ его за полночь или около полночи, а если когда и жертвоваль онъ для кого нибудь частію вечерняго времени, то удалялся изъ собранія за долго до полночи; отъ того и время и здоровье служили ему неизмѣнно до конца его жизни. Не торопливо, съ нѣкоторою какъ бы медленностію, но съ одинаковою аккуратностію и вниманіемъ онъ выполняль всякое текущее дѣло, и—на всей его жизни и дѣятельности оправдался глубокой смыслъ народнаго изрѣченія: *тише идешь, дальше будешь*. Да, онъ не растратилъ жизни, не загубилъ силъ въ напрасныхъ, хотя бы и благородныхъ увлеченіяхъ,—сильныхъ, хотя бы высокыхъ, но безплодныхъ и мечтательныхъ порывахъ. Нѣтъ, онъ вовсе не зналъ ни этихъ увлеченій, ни этихъ порывовъ, такъ частыхъ у самыхъ талантливыхъ людей, но сохранилъ и приумножилъ данный ему отъ Бога талантъ, на сколько позволяли обстоятельства жизни или лучше самый этотъ талантъ, и если напр. данный ему талантъ могъ быть приумножень только въ пять, а не въ десять разъ, то рѣдкая заслуга, рѣдкое достоинство его въ томъ, что онъ приумножилъ его не менѣе... Въ одинаковой мѣрѣ сочувствуя всему истинному, доброму и прекрасному, онъ никогда въ своихъ стремленіяхъ и дѣлахъ не простирался за предѣлы не только

возможнаго или пріятнаго, но даже нужнаго, полезнаго, благоразумнаго. Въ успѣшномъ выполненіи имъ многосложныхъ и тяжелыхъ обязанностей много значили его свѣтлый умъ и солидно - ученая подготовка, въ особенности отличное знакомство съ языками еврейскимъ, латинскимъ, греческимъ, нѣмецкимъ и французскимъ; но ни богатые дарованія, ни обширная эрудиція не дали бы такихъ большихъ результатовъ, безъ аккуратности и самой строгой регулярности въ занятіяхъ и въ жизни. Этому послѣднему качеству Ивана Михайловича мы придаемъ тѣмъ большее значеніе, чѣмъ рѣже встрѣчаемъ его въ жизни. Много въ свѣтѣ людей умныхъ, талантливыхъ, образованныхъ и ученыхъ, съ возвышенными и благородными стремленіями; но людей до такой степени аккуратныхъ и регулярныхъ, какъ Иванъ Михайловичъ, слишкомъ и слишкомъ мало. И эта аккуратность и регулярность его не были какимъ либо капризомъ натуры, не были тѣмъ, что мы привыкли считать оригинальностію, но высокимъ нравственнымъ качествомъ, признакомъ сильной, хорошо развитой воли, плодомъ долговременной внутренней борьбы, умѣняемъ владѣть самимъ собою. Понимаемъ, какъ много труда и силы воли нужно было ему, по крайней мѣрѣ на первыхъ порахъ, для того, чтобы въ виду дѣла устоять противъ просьбы, приглашенія, собственнаго желанія развлечься, условій свѣта, увлеченія однимъ какимъ либо занятіемъ и проч. Такая жизнь, какъ Ивана Михайловича, представляется намъ великимъ нравственнымъ и подвигомъ и совершенствомъ. Не тотъ, по нашему мнѣнію великъ и достоинъ хвалы, кто разъ или два въ жизни, напрявши всѣ силы своей души, блеснетъ и поразитъ какимъ либо смѣлымъ и новымъ дѣломъ, и не тотъ, кто сосредоточивъ всю свою дѣятельность въ одномъ тѣсномъ кругѣ, на одной сторонѣ жизни, съумѣетъ остаться вѣрнымъ своему выбору или призванію, но тотъ, котораго вся жизнь отъ начала и до конца наполнена непрерывающеюся дѣятельностію и истинно полезными и солидными, хотя бы и не громко-блестящими трудами, кто, служа на многихъ и разныхъ поприщахъ жизни, ни разу

не измѣнилъ ни своему долгу, ни избранному имъ служе-
нію. Иванъ Михайловичъ принадлежитъ, безъ сомнѣнія,
къ послѣднему роду дѣятелей, и то, что мы сей часъ ска-
зали объ немъ, представится намъ тѣмъ съ большею ясно-
стію, если мы обратимъ вниманіе покрайней мѣрѣ на
главные виды его дѣятельности, на болѣе видныя поприща
его службы.

Наиболѣе виднымъ поприщемъ служебной дѣятельно-
сти Ивана Михайловича было профессорское его званіе,
въ которомъ, какъ мы замѣчали уже, онъ пробылъ 44 г.
и съ котораго, можно сказать, несходилъ отъ начала и
до конца своей долгой службы. Это было не только его
званіе, но и какъ бы призваніе; оно главнымъ образомъ
устроило его жизненную карьеру, составило ему имя и
извѣстность. Что же замѣчательнаго, добраго и достой-
наго хвалы представляетъ профессорская дѣятельность
Ивана Михайловича? Отличительными чертами его про-
фессорскою дѣятельности были тотъ же порядокъ, пра-
вильность и послѣдовательность, которыми запечатлѣна
и вся его жизнь. Самая строгая система и правильное
логическое построеніе въ цѣломъ курсѣ чтеній, полнота
и законченность въ каждомъ отдѣльномъ чтеніи, отчетли-
вость, спокойствіе и ясность изложенія—вотъ главныя
достоинства его какъ профессора. Онъ всегда подступалъ
къ предмету прямо, обнималъ его однимъ такъ сказать
пріемомъ мысли, но съ совершенною ясностію и полно-
тою, и излагалъ съ полною основательностію. У него не
было уклоненій въ сторону, на которыхъ такъ часто вы-
ѣзжаютъ молодые педагоги и отъ которыхъ не свободны
бываютъ иногда самые даровитые профессора, ни коле-
баній мысли, ни блестящихъ громкихъ фразъ, ни тѣмъ
менѣе полусловъ, полунамековъ, не дѣлающихъ чести про-
фессору, но такъ соблазнительныхъ для учащейся моло-
дежи, равно не утомлялъ онъ своихъ слушателей субъек-
тивнымъ внутреннимъ процессомъ мысли, но предлагалъ
имъ по большей части результаты науки или кабинетной
своей работы надъ предметомъ. Никогда онъ не жертво-
валъ словомъ для дѣла, не бросалъ словъ на вѣтеръ, не

высказывалъ мысли, не раскрывъ ее съ надлежащею полнотою, не подкрѣпивъ ее основательными и твердыми доводами. Не много такимъ образомъ говорилъ онъ, въ особенности при своемъ довольно неспѣшномъ произношеніи; но за то многое, если не все сказанное ложилось прямо въ душу слушателя и являлось съ разу въ его сознаниі, какъ готовое знаніе, положительное приобрѣтеніе. На нашу долю выпало слушать Ивана Михайловича въ послѣдніе два изъ тѣхъ четырехъ годовъ его профессорскихъ занятій при академіи, когда онъ, по выслугѣ 25-лѣтняго срока, обремененный множествомъ другихъ занятій, уволившись отъ академической службы, вызвался однакожь (если не ошибаемся, по просьбѣ и убѣжденію покойнаго митрополита Филарета) безмездно читать по одному уроку въ недѣлю, по тѣмъ предметамъ, какіе онъ самъ избиралъ для чтенія. Никогда, кажется, академическій философскій факультетъ не былъ по числу и достоинству преподавателей такъ полонъ и вмѣстѣ счастливъ, — на немъ было тогда четыре профессора, и, не говоря объ Иванѣ Михайловичѣ, всѣ остальные пользовались также прекраснымъ мнѣніемъ своихъ слушателей. Иванъ Михайловичъ читалъ для нашего курса *Organon* Аристотеля, а потомъ Метафизику. Сравнивая его чтенія съ чтеніями другихъ профессоровъ, мы, кромѣ указанныхъ уже достоинствъ, всегда отличавшихъ его чтенія, не могли не признать за ними особеннаго преимущества, именно простоты, которая наиболѣе пригодилась намъ при изложеніи такого труднаго предмета, какъ *Organon* Аристотеля. Если чего не доставало въ чтеніяхъ Ивана Михайловича, то это симпатичности, теплоты, живости, одушевленія, которыми въ тоже время такъ увлекали насъ чтенія покойнаго о. Теофана (Авсенева). И не только въ это, но даже въ прежнее время преподаваніе Ивана Михайловича не отличалось указанными качествами. Мы однакожь отнюдь не думаемъ, чтобы этотъ недостатокъ могъ быть кѣмъ нибудь поставленъ въ укоръ памяти достойнѣйшаго изъ нашихъ профессоровъ. Съ одной стороны особенная какая либо живость, одушевленіе вовсе не были въ натурѣ Ивана

Михайловича, а что не дано природою, того нельзя вознаграждать никакимъ искусствомъ, съ другой при сухомъ и даже холодномъ чтеніи терпѣть ущербъ только впечатлѣніе, производимое имъ на слушателя, но не самое чтеніе или предметъ его. Притомъ надо отличать простоту, безискусственность изложенія отъ сухости, какъ слѣдствія холодности и равнодушія къ предмету въ самомъ преподавателѣ. Послѣднихъ качествъ и предположить не возможно въ Иванѣ Михайловичѣ, принимая во вниманіе самую тщательную обработку, какую онъ давалъ предметамъ, о которыхъ приходилось ему читать.

Сказавъ о научныхъ и педагогическихъ приѣмахъ Ивана Михайловича, какъ профессора, мы не можемъ не упомянуть о его обширной учености и начитанности, которая придавала еще болѣе значенія его чтеніямъ и упрочивала его профессорскую извѣстность. Положительно можно сказать, что ему извѣстенъ былъ коротко полный курсъ богословскихъ и философскихъ наукъ, которыхъ большую часть ему приходилось преподавать въ теченіи долгихъ лѣтъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, для разнаго рода слушателей. Каждую науку онъ изучалъ тщательно, съ полною добросовѣстностію, и трудно сказать, съ которою изъ нихъ онъ менѣе былъ знакомъ. Богословіе догматическое, нравственное, обрядовое, церковная исторія, каноническое право, логика, психологія, метафизика, исторія философіи извѣстны были ему специально; кромѣ того онъ весьма основательно зналъ много другихъ соприкосновенныхъ съ ними наукъ, какъ напр. священное писаніе, патрологію и проч., а также нѣкоторыя изъ наукъ математическихъ. Ему не чужды были многія свѣдѣнія по части древней классической литературы и даже астрономіи, и онъ самъ любилъ производить нѣкоторыя не сложныя астрономическія наблюденія. Такая обширность и разносторонность знанія самаго серьезнаго и основательнаго почти не мыслима въ людяхъ позднѣйшаго образованія; это—плодъ прежняго энциклопедическаго направленія въ системѣ духовнаго образованія, которое хотя удержало оффиціальное свое значеніе до послѣд-

нихъ дней, но въ старыя годы было понимаемо серьезнѣе и выполняемо тщательнѣе. Само собою разумѣется, что самыя обстоятельства учебной службы Ивана Михайловича много способствовали ему въ расширеніи круга его познаній, но основаніе для этого дано самимъ воспитаніемъ. Добросердечный митрополитъ кievскій Филаретъ высоко цѣнилъ обширную ученость Ивана Михайловича, въ особенности же его познанія въ философіи, и на экзаменахъ въ академіи и семинаріи съ особеннымъ вниманіемъ приглашалъ его къ участію въ испытаніи, постоянно обращался къ нему съ вопросами по той или другой наукѣ, особенно же по философіи, и считалъ его мнѣніе наиболѣе авторитетнымъ. Въ философіи онъ просто считалъ его непобѣдимымъ, во время обычныхъ въ прежнюю пору ученыхъ преній на экзаменахъ, и видѣлъ особенную силу въ его строгой и искусной діалектикѣ. При этомъ намъ живо припоминается одинъ случай, бывшій послѣ сороковыхъ годовъ на публичномъ экзаменѣ въ кievской семинаріи. Происходило испытаніе учениковъ средняго отдѣленія по логикѣ и психологіи. Отвѣчали бойко и твердо, читали—точно по книгѣ, но въ объясненіяхъ путались и становились въ тупикъ, иногда видимо не понимали значенія и смысла заученныхъ фразъ, и причиною этому было туманное изложеніе наукъ. Преосвященному митрополиту Филарету хотѣлось доказать профессору несостоятельность нѣкоторыхъ психологическихъ его воззрѣній и логическихъ опредѣленій, неумѣстность нѣкоторыхъ трактатовъ, въ особенности же туманнаго изложенія и пестрой иноязычной терминологіи; но бойкій, отлично владѣвшій языкомъ профессоръ находилъ на все объясненіе. Преосвященный митрополитъ, не любившій въ подобныхъ случаяхъ дѣйствовать однимъ приказомъ, снисходительно продолжалъ ученое преніе, на сколько позволяли его старческія силы, и въ тоже время засыпаемый быстрою и бойкою рѣчью профессора не разъ посматривалъ по сторонамъ, какъ бы ища кого-то. Вдругъ въ дверяхъ залы показался запоздавшій по какому-то случаю Иванъ Михайловичъ. Митрополитъ обратился къ нему съ особенною

ласковостію и вниманіемъ: „пожалуйте, пожалуйте, Иванъ Михайловичъ! Мы васъ давно ждемъ.“ Тотъ принялъ благословеніе и сѣлъ въ почтительномъ отдаленіи. „Нѣтъ, сюда пожалуйте, поближе; вотъ тутъ садитесь,“ ласково говорилъ митрополитъ, указывая на стоящее вблизи его кресло, и, когда Иванъ Михайловичъ сѣлъ, обратился къ нему съ такими словами: „нуге-ка, побейте ихъ философію“ и — объяснилъ, въ чемъ дѣло. Внимательно сталъ слѣдить Иванъ Михайловичъ за отвѣтами учениковъ, дѣлалъ вопросы за вопросами, возраженія за возраженіями, спокойно, но съ свойственною ему силою діалектики опровергалъ одно за другимъ положенія и бойкіе извороты даровитаго профессора и скоро довелъ его до того, что онъ долженъ былъ уступить предъ взглядомъ и знаніемъ болѣе вѣрнымъ и широкимъ. Добродушный архипастырь, видя торжество діалектики Ивана Михайловича, каждый разъ съ замѣтнымъ удовольствіемъ повторялъ: „ваша правда, Иванъ Михайловичъ!“ — Не даромъ и начальство академіи такъ часто поручало Ивану Михайловичу ревизованіе семинарій. Только съ такими обширными познаніями можно было съ успѣхомъ и пользою производить ревизію учебной части въ семинаріяхъ, вѣрно опредѣлить достоинство и недостатки преподаванія той или другой науки, сообщить начальству точныя свѣдѣнія о ходѣ образованія въ той или другой семинаріи, подать на мѣстѣ полезный совѣтъ и проч.

Но особенное, важное достоинство Ивана Михайловича, какъ профессора, заключалось въ гармоническомъ соединеніи въ немъ религіознаго образованія съ философскимъ. Самая глубокая вѣра, самыя обширныя познанія въ богословскихъ наукахъ не мѣшали ему быть столько же свободнымъ, сколько солиднымъ мыслителемъ; въ одно и тоже время съ равнымъ успѣхомъ и пользою онъ предавалъ своимъ слушателямъ въ нѣсколькихъ учебныхъ заведеніяхъ истины богословскія и философскія, и если гдѣ оказывалось благодѣтельнымъ и потребнымъ это счастливое, рѣдкое, можно сказать, сочетаніе вѣры и знанія, эта всегдашняя повѣрка мудрости естественной вѣчными истинами божественнаго ученія, то тамъ, гдѣ всего чаще

они могли приходиться и дѣйствительно приходили во взаимное, не рѣдко враждебное столкновение, гдѣ за долго до пресловутаго нашего прогресса появлялись теоріи и мнѣнія, способныя отуманить и совратить съ пути истины молодыхъ неопытныхъ юношей и гдѣ голосъ Ивана Михайловича былъ однимъ изъ не многихъ голосовъ трезвой и солидной мудрости.

Что касается сочиненій Ивана Михайловича и вообще его учено-литературной дѣятельности, то предѣлы и форма нашей статьи не позволяютъ намъ входить въ подробное разсужденіе по этому предмету. Впрочемъ большая часть отдѣльно изданныхъ его сочиненій такъ давно извѣстны читающей публикѣ и такъ долго были въ обращеніи и употребленіи, что ихъ несомнѣнныя достоинства, равно и неизбѣжные по тогдашнему времени недостатки могли быть оцѣнены вполне, и намъ остается только, для возобновленія въ памяти читателей, представить здѣсь простой перечень ихъ, чтобы они могли однимъ такъ сказать взглядомъ обнять учено-литературныя заслуги Ивана Михайловича. Вотъ эти сочиненія:

- 1., Слова на нѣкоторые праздничные и торжественные дни, въ разные времена произнесенныя к. д. академіи профессоромъ философіи, кіево-печерской владимірской церкви протоіереемъ Иоанномъ Скворцевымъ 1833 г.
- 2., Записки на посланіе къ Ефесею. 1838 г.
- 3., О Кантовой религіи въ предѣлахъ чистаго разума.
- 4., Русская ручная пасхалія. 1836 г.
- 5., О Богослуженіи православной церкви. Пять изданій, послѣднее 1861 г.
- 6., Краткое начертаніе исторіи церкви ветхозавѣтной. 6-ть изд., послѣд. 1859 г.
- 7., Краткое начертаніе исторіи церкви новозавѣтной. 6-ть изданій, послѣд. 1854 г.
- 8., Катихизическія поученія. два изд., послѣд. 1855 г.
- 9., Записки по церковному Законовѣдѣнію три изд., послѣд. 1861 г.
- 10., Краткія поученія о божественной литургіи. 1861 г.

- 11., Чтенія изъ церковной исторіи для дѣтей. 1842 г.
 12., Катихизическія поученія на символъ вѣры, 10-ть заповѣдей и молитву Господню. 1854 г.
 13., Описаніе кіево-софійскаго собора по обновленіи его въ 1843—1853 г.

Уже одно число изданій нѣкоторыхъ изъ исчисленныхъ сочиненій показываетъ, какой расходъ и слѣдовательно какую цѣну имѣли они въ свое время: но между ними есть два такихъ сочиненія, которыя доставили Ивану Михайловичу такъ рѣдкую у насъ степень доктора богословія, полученную имъ еще въ 1833 г., это—*Записки на посланіе къ Ефесеємъ и о Кантовой религіи въ предѣлахъ чистаго разума*. Названныя сочиненія суть первые плоды ученой дѣятельности Ивана Михайловича. Слѣдовавшій за тѣмъ рядъ его сочиненій показываетъ, что онъ не остановился въ своихъ ученыхъ трудахъ, получивъ высшую ученую степень и что слѣд. какъ первыя, такъ и послѣднія его произведенія писаны не по внушенію честолюбія или для практическихъ выгодъ, но по внутреннему влеченію къ подобнаго рода дѣятельности. Въ числѣ ученыхъ трудовъ Ивана Михайловича безспорно самое высшее мѣсто занимаютъ *Записки по церковному законовѣднiю*, трудъ вполнѣ самостоятельный, носящій на себѣ слѣды серьезной и продолжительной ученой работы. Если примемъ въ соображеніе, что до составленія *Записокъ* у насъ ничего не было написано по части каноническаго права, что вообще эта область совершенно неразработана у насъ какъ въ то, такъ даже и въ нынѣшнее время и что собраніе однихъ матеріаловъ для науки церковнаго законовѣднiя представляетъ само по себѣ огромный, кропотливый трудъ, то намъ понятны будутъ важность и значеніе этого ученаго труда Ивана Михайловича. Его *Записки*,—одно изъ двухъ только сочиненій въ этомъ родѣ, не утратили до селѣ своего значенія и безъ сомнѣнія долго еще будутъ служить важнымъ и полезнымъ пособіемъ для изучающихъ область нашего церковнаго права. Онѣ обработаны при томъ съ тою тщательностію, печать которой лежитъ на всѣхъ произведе-

нѣхъ его пера. Система, порядокъ, точность и основательность, отсутствіе излишнихъ подробностей и отсюда краткость и сжатость составляютъ главныя отличительныя черты ученыхъ произведеній Ивана Михайловича; составленіе учебниковъ было наиболѣе сподручно ему, и намъ кажется, что если бы не обширная и разносторонняя служебная дѣятельность поглощала его время и силы,—онъ подарилъ бы насъ еще не однимъ дѣльнымъ и полезнымъ руководствомъ.

По ходу рѣчи намъ слѣдовало бы сказать о цензурской и редакторской дѣятельности Ивана Михайловича; но такая его дѣятельность сливается отчасти съ дѣятельностію другихъ лицъ на томъ же поприщѣ и менѣе всего примѣтная для публики, извѣстна тому только не большому кружку, которому была посвящена. Мы знаемъ однакожь, что Иванъ Михайловичъ, всегда строгій къ самому себѣ, и своимъ произведеніямъ, серьезно смотрѣлъ на письменныя произведенія другихъ, проходившія къ печати черезъ его руки: не любившій многословія и тѣмъ болѣе пустословія, ни громкихъ фразъ, если они не заключали въ себѣ дѣла, или если подъ ними скрывалась фальшивая мысль, либо намекъ на оную, ни новомодныхъ словъ, если они не сообразовались съ важностію и святостію предмета, онъ на все подобное налагалъ свою редакторскую или цензурскую руку. Справедливость требуетъ также замѣтить, что Иванъ Михайловичъ и какъ редакторъ и какъ цензоръ обладалъ большимъ тактомъ и особеннымъ внутреннимъ чутьемъ, по которому неблаговидность мысли или слова открывались для него и тамъ, гдѣ другой и не подозрѣвалъ бы ее или замѣтилъ бы не вдругъ.

(Окончаніе въ слѣдующемъ №).

ИЗВѢСТІЯ и ЗАМѢТКИ.

Въ ночь съ 4-го на 5-е сентября высокопреосвященный митрополитъ Арсеній возвратился изъ непродолжительнаго путешествія по епархіи. Въ скоромъ времени онъ опять оставитъ насъ и уже на цѣлую зиму, именно: отправится въ Петербургъ для присутствованія въ Св. Синодѣ, куда приглашенъ по Высочайшему усмотрѣнію, о чемъ и получилъ уже формальное увѣдомленіе. Это извѣстіе, не неприскорбное для паствы, въ тоже время не можетъ не радовать нашего сельскаго духовенства, которое съ напряженнымъ вниманіемъ ждетъ отъ этой зимы окончанія начатаго уже дѣла по улучшенію его быта.

— *Къ вопросу о братствахъ.* Вотъ что пишетъ намъ одинъ изъ сельскихъ священниковъ нашей епархіи по этому предмету. „Душевно сочувствуя мнѣнію Редакціи Еп. Вѣдомостей и другихъ благомыслящихъ людей относительно разносторонней пользы и благотѣльнаго вліянія на жизнь народа со стороны древнихъ церковныхъ Братствъ, я при удобныхъ случаяхъ, одновременно, заводилъ разговоръ съ своими прихожанами о братствахъ, съ цѣлю склонить ихъ къ учрежденію братствъ и дѣйствительно успѣлъ въ томъ, что прихожане мои изъявили непритворное намѣреніе образовать братство въ своей средѣ, подъ именемъ „*Новоселицкаго Николаевскаго Братства*“. Предположенное братство должно было дѣлиться на три отдѣленія, именно: братство старшее, братство молодецкое и братство сестричное. Все вообще братство

начинанія и дѣйствія свои имѣло совершать въ духѣ и на началахъ тѣхъ правилъ, которыми руководились древнія братства, съ измѣненіями и дополненіями, примѣнительными къ современной жизни и потребностямъ народа, самыя же правила имѣли быть въ скоромъ времени составлены и представлены на утвержденіе начальства.

Цѣлю учрежденія братства и предметомъ его заботливости имѣли быть: Во первыхъ мѣстный храмъ Божій и доставленіе ему большаго благолѣпія и надлежащаго устройства, во вторыхъ улучшеніе нравственности въ приходѣ, въ третьихъ содержаніе приходскаго училища и при немъ хора пѣвчихъ, и въ четвертыхъ, по усиленіи его матеріальныхъ средствъ, — учрежденіе и содержаніе при училищѣ лѣчебницы и сельской библіотеки.

Но въ седмый день общаго и окончательнаго разсужденія о предпріятомъ дѣлѣ, (въ Свѣтлый Вторникъ—апрѣля 2 дня 1863 года), нашлись съ одной стороны боязливые и неразумительные, съ другой—неблагомыслящіе и своекорыстные люди, которые сами отказались отъ своего намѣренія и отклонили отъ него другихъ. Причиною такой неожиданной перемѣны было между прочимъ то обстоятельство, что въ сосѣднихъ селахъ никто не поднималъ вопроса о братствахъ; кромѣ того крестьянъ пугаетъ подпись, съ которою они соединяютъ опасеніе принять на себя какое нибудь тягостное обязательство. Въ настоящее время, крестьяне и въ другихъ мѣстахъ сдѣлались недовѣрчивыми даже къ священникамъ и не охотно принимаютъ самое благодѣтельное предложеніе со стороны ихъ, когда нужно подтвердить свое согласіе поданіемъ руки для подписи. Вслѣдствіе чего я рѣшилъ, до благопріятнаго времени, ограничиться учрежденіемъ въ своемъ приходѣ церковнаго совѣта изъ 10-ти честныхъ и разсудительныхъ прихожанъ, съ которыми всегда веду совѣщаніе о нуждахъ церкви и удовлетвореніи ихъ и при содѣйствіи которыхъ надѣюсь, хоть исподоволь, достигнуть и вышеозначенныхъ цѣлей. По нашему мнѣнію, братство можно, смотря по нуждѣ и средствамъ, ограничить и меньшимъ числомъ членомъ и даже меньшимъ кругомъ дѣятель-

ности, и тогда не будетъ разницы между братствомъ и приходскимъ совѣтомъ; что жъ до названія, то во всякомъ разѣ не слѣдовало бы перваго замѣнять вторымъ:—название братства для нашего края имѣетъ историческое, священное, можно сказать, значеніе. Причины противодѣйствія учрежденію братствъ указаны вѣрныя, но далеко не всѣ. Мы имѣемъ довольно уже свѣдѣній по этому предмету и предоставляемъ себѣ поговорить объ немъ больше въ другое время, настоящее же свѣдѣніе приводимъ какъ свидѣтельство того, что вопросъ о братствахъ не заглохъ совершенно и толки объ немъ идутъ.

— *Нѣчто о новомъ бытѣ крестьянъ съ нравственной точки зрѣнія.* Много разъ въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ говорено было о благодѣтельномъ вліяніи крестьянской реформы на разныя стороны народной жизни, но о вліяніи ея на нравственную жизнь народа говорено пока мало. Мы получили нѣсколько самыхъ достовѣрныхъ свѣдѣній по этому предмету, касающихся впрочемъ лишь нѣсколькихъ сель звенигородскаго уѣзда, и съ удовольствіемъ заносимъ ихъ на страницы нашего изданія. — Прежде всего самоуправство и деспотизмъ съ каждымъ днемъ все больше и больше исчезаютъ въ средѣ этихъ сельскихъ обществъ и въ замѣнъ ихъ являются чувство справедливости и уваженія къ закону. Никто изъ крестьянъ не можетъ теперь безнаказанно побить своего ближняго или обидить его другимъ способомъ. Съ особенною строгостію и вмѣстѣ безпристрастіемъ преслѣдуется самоуправство прежнихъ ближайшихъ начальниковъ и судей народныхъ, такъ называемыхъ официалистовъ, или довѣренныхъ отъ помѣщиковъ лицъ по разнымъ частямъ экономическаго управления, которые съ трудомъ отстаютъ отъ своей застарѣлой привычки *поверховодить* надъ бѣднымъ крестьяниномъ. Теперь, лишь только кто нибудь изъ нихъ осмѣлится пуститься въ личную расправу, какъ обиженный тотъ часъ спѣшитъ въ сельское управленіе и немедленно заноситъ жалобу, а по жалобѣ пана немедленно требуютъ въ судъ, — созываютъ добросовѣстныхъ и старосту или волостнаго, разсуждаютъ, прои-

зносятъ приговоръ и если панъ виновенъ, не прежде отпустятъ, какъ получивъ съ него штрафъ. Одинъ эономъ, рассказывали намъ, большой охотникъ быть крестьянъ, заплативъ разнорененно до 15-ти руб. штрафа, совершенно потерялъ охоту къ собственноручной расправѣ. Впрочемъ если крестьянинъ виновенъ,—пану оказываютъ полное удовлетвореніе.

Сельскія управленія имѣютъ наблюденіе надъ всѣмъ вообще кругомъ общественной жизни и не только общественныя, но и частныя, даже домашнія дѣла, коль скоро они получаютъ общую извѣстность и возбуждаютъ соблазнъ или негодованіе, подлежатъ ихъ суду. И это отнюдь не злоупотребленіе, но такова воля обществъ. Во многихъ мѣстахъ сельскія управленія составляютъ приговоры и отдають приказы, чтобы корчма напр. не была отперта до окончанія обѣдни, или позже 10-ти часовъ вечера, чтобы въ корчмахъ не было пьянственныхъ сборищъ, чтобы подъ праздники и въ великій постъ не пѣли пѣсень, и проч. и проч. Церкви, школы составляютъ теперь предметъ живѣйшей заботливости обществъ, помышляютъ о богадѣльняхъ и госпиталяхъ. Оскорбленіе родителей дѣтми наказывается съ особенною строгостію. Изъ суда сельскаго изгоняются подкупы, задабриванія, подпайванія. Прежде такъ называемые *судци* не прежде приступаютъ къ разбору тяжбы, какъ когда обѣ тяжущія стороны поставятъ *могоричь* и по большей части рѣшали дѣло въ пользу того, кто больше поставилъ водки. Теперь тяжущіеся, подсудимые не смѣй и заикнуться о водкѣ, даже по окончаніи дѣла,—*по трудахъ*.

Особенно замѣчательенъ рекрутскій наборъ. Онъ совершенъ теперь не бывалымъ образомъ. Намъ коротко извѣстно, что въ прежнее время бывало,—ловятъ рекрутъ какъ звѣрей, куютъ какъ преступниковъ, содержатъ подъ самымъ сильнымъ карауломъ и также отправляютъ въ присутствіе, продержавъ на мѣстѣ мѣсяцъ и болѣе. А сколько было злоупотребленій при назначеніи въ рекруты, сколько несчастій и калѣчества переносили укрывавшіеся отъ рекрутства. Теперь ничего подобнаго не было: сельскій

судь рѣшилъ, кому идти въ царскую службу, и объявилъ свое рѣшеніе, и—никто не уходилъ и не прекословилъ; назначенные ходили на волѣ, занимались своимъ дѣломъ, пока пришелъ часъ отправляться въ присутствіе; даже туда везли ихъ незакованными и безъ караула.

Послѣдній указъ о прекращеніи обязательныхъ отношеній и обязательномъ выкупѣ земли на объявленныхъ условіяхъ произвелъ чрезвычайный восторгъ въ крестьянахъ. Большаго они уже рѣшительно не желаютъ для себя и не ждутъ. О царѣ молитва не прекращается; собираются торжественно праздновать это новое событіе въ своей жизни и готовятъ обѣды.